

с
А62

**Амто,
северная сказка!**

От редакции

В этой книге публикуются некоторые старинные сказки народов северо-востока нашей страны: ительменов, коряков, чукчей. Собрали материал и литературно его обработали коренные жители Камчатки: Георгий Поротов—корякский поэт, Сергей Киевлян—культпросветработник из села Аянка, Георгий Панкратов—житель пос. Палана. Значительную часть чукотских сказок собрал и обработал Александр Лозневой. Эти произведения публикуются по его книге «Чукотские сказки», выпущенной Приморским книжным издательством в 1956 году.

Следует сказать несколько слов об особенностях устного творчества народов Камчатки и северо-востока СССР.

Один из авторов этого сборника—Сергей Киевлян, много лет занимающийся сбором и изучением произведений устного творчества чукчей, коряков, ительменов и хорошо разбирающийся в тонкостях необычайно выразительного языка этих народностей, говорит:

— Сказок на Севере много, но их смысл не всегда понятен непосвященным. Надо хорошо знать историю народов Севера, легенды, предания и мифы, бытовавшие в среде аборигенов, чтобы разбираться в их образе жизни, привычках, переходивших из рода в род обычаях и верованиях.

Тут же рассказчик ссылается на легенду о жестоком Истребляющем, ловком и подлом человеке, жившем некогда на Камчатке. Что это? Сказка или быль? Оказывается, в чукотском фольклоре прозвище Жестокоубивающий и Истребляющий было присвоено царскому офицеру Павлуцкому, который в тридцатые годы восемнадцатого века вместе с большим отрядом авантюристов и грабителей жестоко расправ-

лялся с нымылынами и лоуроветланами. Легенда сохранила в памяти народа исторический факт.

А вот другой пример — легенда «Человек и Ворон», в которой Ворон укоряет человека за жестокость и выступает, вопреки обычаю, в качестве положительного героя. Почему так? Не ошибка ли здесь?

Нет, не ошибка, говорят этнографы и фольклористы.

Ворон, в мифологии чукчей, — товарищ (тумгутум) мифического творца. Он, согласно легенде, похитил у Кэле (злой колдуньи, ведьмы) мячи, в оболочках которых были зашиты солнце, луна и звезды. Ворон продолбил в небе дыру, и из нее на темную землю брызнул рассвет. «Убивать ворона — грех!» — учила религия чукчей. И это нашло свое отражение в сказках.

Есть и еще очень характерная особенность у фольклора Камчатки. Это — его несомненная поэтичность и образность. Часто наивное, с виду неброское и обыденное повествование вдруг засверкает целой россыпью золотых крупиц народной мысли и опыта. А сколько лирики таят в себе сочные, нараспев произносимые фразы сказителя!

«Дело было зимой. Очень давно. Я выехал из Ветвея в Рекинники: хотел погостить у родичей да посмотреть, как живут люди в тех краях...» Любому, кто прочтет зачин этого сказа — краткие, но полные движения и пластики слова, — невольно захочется вслед за рассказчиком промчаться на нартах по завьюженной тундре, увидеть вдалеке дымки стойбища, войти в полог старинной юрты и увидеть...

Впрочем, не следует пересказывать содержание сказок и сказов. Их надо читать, изучать, исследовать и открывать в незамысловатых, обыденных, на первый взгляд, повествованиях алмазные крупинки, самородки мудрости и вечных истин, ибо на них покоится архитектура самобытных и ритмических, полных смысла и логики, упругих построений. Фольклор народов Севера — это обширная и пока еще мало изученная страна. Всякого, кто отправится однажды в путешествие по ней, ждут приятные и полезные открытия.

В ваших руках — новый небольшой сборник произведений устного народного творчества Камчатки и Чукотки.

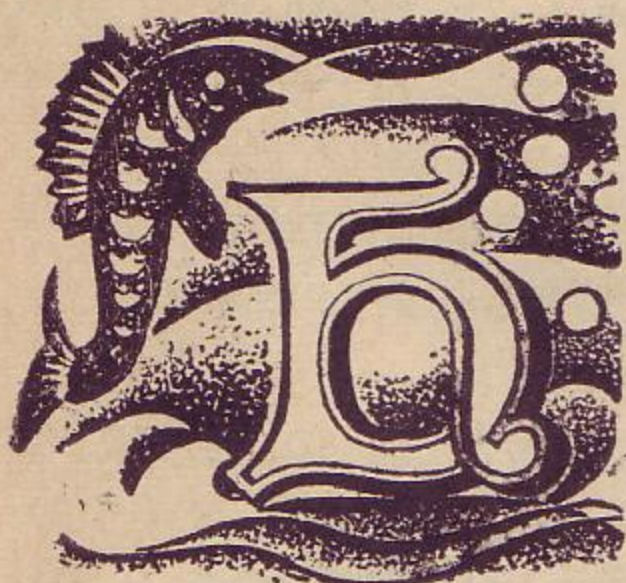
Мы отдаем его на ваш суд с надеждою, что скромное начинание издательства в области сбора и публикации фольклора народностей Дальнего Востока будет встречено с вниманием.

I. Ительменские сказки

Как Кутха ездил на горбушах

Бродил Кутха как-то по берегу, увидел, что горбуши против течения поднимаются, и захотелось ему прокатиться задаром.

— Манке иссх? Куда идете?—спросил он у горбуш.

— Домой!

— Подождите немножко, отдохните. Вам до дому ведь еще далеко. Сейчас принесу толкуши.*

— Ладно.

Кутха пустился изо всех сил к юрте. Прибежал и затопил жену:

— Митэ, Митэ, скорей сшей мне побольше маленьких алыков-ошейников с лямками.

И тут же сам сел помогать шить, чего никогда не делал. Закончив работу, Кутха надел новую кухлянку, взял сельни-

* Толкуша — местное блюдо из клубней сараны и кислой ягоды.

цу* с толкушей, схватил алыки и мигом выскочил из юрты.

Долго ждали Кутху горбуши, сильно проголодались. Завидев приятеля, так обрадовались, что запрыгали над водой, только горбы сверкают. А тот к ним с речью:

— Дорогие гости, покатайте меня на бате, что вам стоит? Аппетит будет лучше. Вот какую хорошую толкушу Митэ приготовила!

А сам за обе щеки еду уплетает.

Горбушам, конечно, невтерпёж:

— Давай, — говорят, — Кутха, прокатим.

Надел он на них алыки, средник-веревку привязал к бату, а сам сел на корму и говорит:

— Вон до того островка везите, потом дам вам толкуши.

Потащили горбуши. Хорошо! Кутха от удовольствия только щурится.

Доплыли до островка.

— А теперь назад везите, по течению будет легко.

Только вернулись горбуши назад, Кутха им снова:

— А сейчас на ту сторону реки и обратно.

Прокатали его горбуши на ту сторону и обратно, а нахалу все мало.

— Ну-ка посмотрим, кто из вас сильнее да быстрее. Поплывем вон до того плеска.

Тянут горбуши бат, разинув рты, выгнув горбы, а Кутха знай подзадоривает:

— Ай, молодцы!

Но скоро рыбы разгадали хитрость приятеля и решили избавиться от него. По-своему, по-горбушечьи, договорились затащить бат в большое улово** и опрокинуть. Заметил Кутха, что горбуши потянули в опасное место, запел по другому:

— Ну вот и хватит. Покатался, спасибочко. Теперь поедем кушать.

Горбуши не слушают, тянут бат дальше. Подплыли к

* Сельница — деревянная посуда.

** Улово — водоворот.

улову и опрокинули. Кутха бултыхнулся и пошел на дно, как сом.

К вечеру Митэ хватилась: «Что-то долго нету мужа». Пошла на берег. Стала звать—не откликается. Походила, походила и ушла домой горевать. Кутху же принесло к морю и выкинуло волной на берег—как раз в том месте, где три девки в камушки играли. Увидели его девки и давай потешаться. Сначала таскали утопленника за ноги по песку, а потом сделались маленькими, залезли к нему в ухо и стали там ходить, петь да плясать. От такого шума Кутха проснулся, встал и пошел домой.

С тех пор Кутха на горбушах больше не ездит. Сам на бате веслит да толкается. И никого не обманывает. Умный да вежливый стал.

Кутха, Ияночх и злая К'ачам

авным-давно жил в своей юрте молодой Кутха с матерью Акавач. Когда Акавач стала совсем старой, она позвала Кутху и сказала ему:

— Дорогой сынок! Ты уже совсем большим стал. Научился капканы ставить на пушного зверя, можешь без промаха бить белку и соболя. Научился и рыбу добывать острогой. Только пуста наша юрта, нет у тебя подруги, а у меня — помощницы. Трудно мне управляться одной с хозяйством, стара я стала. Пора тебе, сынок, жениться. Поедем в соседнее стойбище, там живет Эмемкутанка, а у нее есть дочь красивая — Ияночх. Лучшей невесты тебе не надо.

Согласился Кутха.

Когда они приехали, Кутха увидел Ияночх и обрадовался: она была такая же красивая, какой он видел невесту в своих снах. Стройная, сильная, веселая. Долго гостили Кутха и его мать у старой Эмемкутанки: Кутха и Ияночх заготов-

ливали вместе дрова и сушняк для костра, ходили по тайге и тундре на широких лыжах, обитых нерпичьей шкурой, ставили на пушного зверя капканы и весело смеялись, когда, спускаясь на лыжах с крутой сопки, проваливались в сугроб.

Вот тут-то и подглядела их злая ведьма К'ачам. Позавидовала она счастью молодых и задумала погубить красавицу Ияночх.

В конце зимы у Ияночх родился сын. Пъэч — так называли его молодые с согласия родичей. Кутха стал собираться домой, а старая Акавач осталась еще погостить у Эмемкутанки.

Кутха сделал на нарте небольшой полог, застелил дно кулями-шкурами и посадил на них молодую жену с ребенком. Акавач наставляла сына:

— Не останавливайся, Кутха, в пути, а когда станет плакать ребенок, не оставляй жену и сына, что бы ни произошло. В пути всякое может случиться.

Тронулся Кутха в дорогу, гнал нарту день и ночь, останавливался только для того, чтобы собак покормить да самим поесть. Ни на шаг не отходил от нарты, не нарушал наказа матери. Но на третий день, когда ехали в тайге, Пъэч стал сильно плакать. Подумал Кутха, что ребенок пить хочет, и решил: будь что будет. Остановил нарту, воткнул остол промеж полозьев и дужки, взял мумх* и отправился за водой. А Ияночх ребенка успокаивает и с тревогой думает, как бы скорей до юрты добраться.

Подул ветер, зашипела поземка, закружились снежные вихри. «Вот пурга начинается, где же Кутха пропал?» — думает Ияночх. Вдруг слышит, кто-то по пологу шарит, хочет его открыть... Распахнулся полог, и увидела Ияночх лесную ведьму К'ачам.

Горбатая, лохматая и беззубая К'ачам трясет остолом, скрипучим голосом верещит, длинными когтями хватает Ияночх, сдирает с нее кухлянку, малахай и теплые рукавицы. Потом вытаскивает, раздетую, из полога, бьет остолом по го-

* Мумх — берестяная посуда.

лове и закапывает в снежный сугроб. А сама после надевает одежду Ияночх, берет заснувшего Пъэча и залезает в полог.

Пришел Кутха, увидел, что ребенок спит, и погнал нарту. На пятый день подъехал к своей юрте, помог всем выйти, зажег над очагом жирник и испугался.

— Кто ты?

— Я твоя Ияночх, только из-за твоего «будь что будет» превратилась в такую!—запричитала К'ачам.

Поверил простодушный Кутха ведьме и оставил ее в юрте. Наступили весенние дни. Солнце пригрело землю, в тайге растаял снег, и вместе с травами и мхами пробудилась Ияночх. Когда пришла в себя, стала собирать сухую траву и плести себе одежду. Груба была ее травяная кухлянка, но Ияночх оставалась все такой же юной и красивой. Она ходила по тайге, собирала на прогалинах прошлогодние ягоды, корни и тем кормилась. Гляделась в прозрачную воду ручья, расчесывала длинные косы и вздыхала, вспоминая Кутху и маленького Пъэча. Все бы ничего, да никак не могла выбраться Ияночх из тайги и найти дорогу к людям: все тропинки приводили к поляне, на которой она очнулась после долгого зимнего сна.

Вскоре женщина родила второго мальчика, сына Кутхи, и назвала его Эмемкутом.

С утра Ияночх умывала Эмемкута холодной ключевой водой, кормила и укладывала спать в травяную постельку, а сама уходила искать корни и ягоды. Сын рос быстро и скоро стал помогать матери. Из заостренной ветки он сделал острогу и добывал ею лососей. К середине лета Эмемкут начал охотиться. Добычу мальчик отдавал матери.

— Это куропатка, это заяц, а этого барана я добыл в горах,—говорил Эмемкут.

Мать гладила его по голове и говорила:

— Молодец! Трудись, старайся, верь в доброе — и будешь счастливым.

Так они и жили в травяном шалаше.

Однажды Эмемкут гулял и зашел так далеко, что его застала ночь. Побежал он к своему шалашу, да сбился с пути и набрел на незнакомую юрту. Вошел в нее и видит горящий костер. А за ним—спящего в углу полога мальчика. Эмемкут разбудил его. Это был Пъэч. Пока Эмемкут и Пъэч разглядывали друг друга, в юрту вошел Кутха. Он был очень удивлен и спросил Эмемкута:

— Откуда ты? Как тебя зовут?

— Я живу в лесу... А зовут меня Эмемкут.

— А где твоя мать?

— В лесу.

— Веди меня к ней! — сказал Кухта и вместе с Пъэчем и Эмемкутом вышел из юрты.

Шли они всю ночь и на рассвете увидели травяной шалаш. Зашел в него Кутха и увидел спящую Ияночх. Когда ее разбудили, Ияночх со слезами обняла детей и Кутху. Потом Ияночх рассказала, как злая К'ачам ударила ее остолом и закопала в снег, как она жила в лесу и родила второго сына.

Веселые, все четверо вернулись в свою юрту. А там как раз хозяйничала К'ачам. Кутха содрал с нее одежду Ияночх, обвязал ведьму старыми веревками и бросил в костер. Сгорела злая ведьма, как куча хворосту. А Кухта и Ияночх с детьми живут счастливо и еще сильнее любят друг друга.

Так-то...

II. Корякские сказки

Плохой сосед

ысы с его сестрой Сыммы был близким соседом Эмемкута Куйкиняку.

Женился молодой Куйкиняку на красивой Горностай-девице, а Сысы увидел ее и захотел отобрать. Целыми ночами сидел Сысы в яранге и думал. А потом решил погубить Эмемкута Куйкиняку. Посылает он толстую Сыммы к Эмемкуту:

— Иди, скажи, что приехал мой родственник. Зовет его. Когда Эмемкут пришел, Сысы ему говорит:

— Знаешь что? Про родственника я нарочно сказал, чтобы ты скорее пришел. Ходил я вчера к реке. Пешней прорубь выдолбил, заглянул туда — гольцов много увидел. Пойдем завтра рыбачить. Много будет рыбы и для нас, и для собак.

Пришел домой Эмемкут и все рассказал отцу. А тот посоветовал ему:

— Не слушайся Сысы, неспроста затеял он в такой мороз гольцов ловить!

— Не беспокойтесь обо мне, — отвечает Эмемкут. — Если в дороге ничто не помешает, никуда не денусь!

Наутро Сысы и Эмемкут запрягли упряжку оленей и поехали к дальней протоке на реку. Когда подъехали, Сысы говорит Эмемкуту:

— Подойди к проруби, посмотри, сколько там гольцов.

Верно, там гольцов было много. Хватило бы на все стойбище — и для людей, и для собак. А Сысы подкрался сзади и толкнул Эмемкута в прорубь. Эмемкут хотел вылезть из воды, но Сысы ударил его остолом по рукам и по голове.

Эмемкут исчез под водой, а Сысы вскочил на нарту и погнал оленью упряжку в стойбище, прямо к яранге Куйкиняку. Зашел и говорит:

— Ой, какой Эмемкут неосторожный! Глядел в прорубь, лед обломился, и хозяин жизни забрал его к себе.

А жене Эмемкута так сказал:

— Не жди больше мужа, теперь я твой муж.

Ночь пришла, пора спать. Горностай-девица и говорит:

— Мне еще рано ложиться, работы много. Тебе же, Сысы, новые торбаса сшить надо.

Поздно ночью, когда Сысы уже спал, кто-то зашел в ярангу; все проснулись и видят, что это Эмемкут, а за спиной у него большая связка мороженных гольцов.

Стали строгать рыбу и есть, а Сысы тихо вышел, даже кухлянку и меховые штаны оставил. Возвратился к себе в ярангу и говорит сестре:

— Иди к Куйкиняку, узнай, как Эмемкут вернулся.

Сходила Сыммы, вернулась и стала хвалиться брату, что здорово поела. Сысы так на нее осердился, что побил даже, и лег спать злой. Однако не спится голодному Сысы. Лежит он и думает, как погубить Эмемкута.

Наутро Сысы еще костер не разжигал, а уж посылает снова сестру в ярангу Куйкиняку:

— Сходи к Эмемкуту, позови.

Пришел Эмемкут, Сысы говорит:

— Был я на море, у береговых торосов нашел трещину,

а там уйма всякого зверя: и морж, и нерпа, и лахтак. Пойдем на промысел?

Эмемкут согласился. Вернулся в свою ярангу, отцу все рассказал, а жене велел не верить Сысы, если он заявится.

На другой день Эмемкут и Сысы снова собираются в путь. Подъехали к морю — правда, среди больших торосов видна трещина во льду.

Сысы и говорит:

— Посмотри, сколько там зверей.

Эмемкут стал заглядывать в трещину, а Сысы подкрался сзади и толкнул его в море.

Упал Эмемкут на дно моря. А там ходят стада косаток, сети прочные расставляют — рыбу ловят. В этих-то сетях и запутался Эмемкут.

У косаток были сестры — красивые. Других таких трудно было найти. Сестры косаток были заботливые. У них всегда варилась пища для братьев и гостей. Но братья такие прожорливые были, что Эмемкуту, как он ни торопился, ничего не досталось: всегда голодный оставался. Только пальцем по губам проведет да облизнется.

Скоро он так отощал, что оставалось только помереть...

Однажды старшая сестра Эмемкута Тыныановыт сидела в яранге — шила торбаса. А ей все время мешал жучок. Лезет везде под руки, за кухлянку тащит. Взяла она жучка, отбросила, хотела сказать:

— Что ты мешаешь мне шить?

Но не успела она это сказать, как услышала, что кто-то сзади засмеялся. Это была тетка Имиллю. Она перестала смеяться и говорит:

— Нигде меня по-хорошему не принимают. Вот и ты не приняла, племянница...

— Ты же в жучка обратилась! — отвечала девушка. — Ты бы пришла по-настоящему, как люди приходят. Сама виновата, тетушка Имиллю.

— Пусть будет по-твоему, — отвечала старуха. — Только сидишь ты и не знаешь, что твой брат вот-вот погаснет!

Тыныановыт стала умолять тетку спасти брата.

Тетка Имиллю достала красивую кухлянку, надела на племянницу и наказывает ей:

— Придешь к морю и бросишься в глубину, увидишь там сестер-косаток, готовящих еду для братьев. Ты тоже готовь пищу и самую лучшую давай Эмемкуту. Братья сестер-косаток увидят тебя — выбирай любого, а насчет Эмемкута не беспокойся, он о себе сам подумает.

Закончила свое наставление тетка Имиллю и исчезла.

Тыныановыт пошла к морю, к той трещине, куда брат упал, и бросилась в глубину. Попала она к сестрам-косаткам. Выбрала себе спокойное место и стала кормить Эмемкута рыбой и жирным мясом.

А когда Эмемкут набрался сил, взяла нож и обрезала веревки, в которых он запутался. И тут-то косатки увидели девушку с земли, такую красивую, что трудно сказать.

Один из братьев, красивый и сильный охотник, тут же влюбился в Тыныановыт. На радостях все поехали просить разрешения на свадьбу к Куйкиняку. Ехали они на нартах, только вместо собак в нарты были впряжены пятнистые нерпы.

Когда сыграли свадьбу, косатки взяли красавицу Тыныановыт к себе в море, а Эмемкут и Горностай-девица стали жить в яранге еще лучше, чем раньше. Только одному Сысы было плохо. Отвернулись от него люди. И родственники тоже отвернулись. Понял Сысы, что люди, пожалуй, прогонят его из стойбища. И стал скитаться по тундре в поисках новых людей, которые о его хитростях еще не знают. Так и бродит он по сей день. Плохо одному в тундре. А кто виноват?

Ваввк и Пчикальэн

Все у Куйкиняку было: и юрта, и олени, и шкурки пушного зверя. А еще у него было четыре дочери, одна красивее другой. И самая красивая среди них — Иннынвыт. Глаза у нее черные, брови — как соболиные хвосты. Когда улыбается Иннынвыт, все парни смотрят, глаза от нее оторвать не могут. И многие из них хотели взять себе в жены такую красавицу. Предлагали Куйкиняку мех соболей и лисиц, давали много оленей и собак, много юколы и мяса за то, чтобы породниться с ним.

Куйкиняку улыбался и отсылал женихов к дочери. Только не находилось среди парней такого, который бы ей нравился. Как-то пришел свататься бедняк Пчикальэн. Хоть и бедный, но трудолюбивый и смелый — охотник, рыболов да еще искусный каюр. Никто из окрестных стойбищ не мог так быстро гнать нарты, как Пчикальэн. Сватал Иннынвыт и Ваввк — у того огромное оленье стадо.

Но Иннынвыт не сделала выбора сразу. Она сказала, что даст свое согласие тому, кто победит злого пожирателя-медведя и привезет его шкуру в юрту Куйкиняку.

Вот как-то раз снарядили Пчикальэн и Ваввк упряжки собак, взяли с собой побольше юколы и отправились в тайгу. Пчикальэн поехал в сторону хребтов, на перевал, а Ваввк, крадучись, потихоньку — по его следу. Все время осто́л держал у полоза — тормозил нарту, чтобы не догнать Пчикальэна. Трусливый был Ваввк, но хитрый. Заехал он по дороге к лесной шаманке спросить, как побыстрее погубить Пчикальэна и привезти Иннынвыт шкуру медведя.

Лесная шаманка жила под корнями большого дерева. Когда Ваввка увидала, спряталась глубоко в своей норе и напустила такого туману, что Ваввк чуть было не заблудился. Но он все же отыскал ее и стал просить помощи.

— Поезжай следом за Пчикальэном, бросай на дорогу вот эти мышинные кости, держи рот открытым и все время гляди на солнце, — поучала лесная шаманка Ваввка. — Приблизится солнце — ты его хватай и проглоти. А когда проглотишь солнце, будет большая темнота и большая пурга на много дней. Пчикальэн заблудится в тайге и погибнет.

Ваввк так и сделал. Долго бросал мышинные кости, а когда солнце стало близко, схватил его и проглотил. Сразу же поднялся ветер, разыгралась страшная пурга. Стало так темно, что нарта Ваввка остановилась. Ваввк натянул поверх кухлянки камлейку*, нахлобучил малахай и устроился спать. Однако солнце так жгло внутри, что Ваввк испугался и выпустил его. А в лесу уже намело столько снега, что нарта не могла двигаться. Собаки лежали под сугробом, спали.

Пока Ваввк сны смотрел, Пчикальэн гнал нарту дальше к хребтам. На пятый день в тайге собаки обложили медведя. Они бросались на косолапого со всех сторон. Медведь швырял их могучими лапами, а они бросались опять. Пчи-

* Камлейка — защитный плащ от пурги из ткани или рыбьих шкур.

кальэн вынул широкий охотничий нож, нашел время, когда медведь встал на задние лапы, и ударил зверя в бок. Страшно ревел пожиратель, катался по снегу, но скоро затих. Пчи-кальэн его освежевал. А когда собаки зализали раны, Пчи-кальэн положил на нарту медвежью шкуру и тронулся в обратный путь.

Вдруг нарты зацепились за кочку. Пчикальэн остановил собак. Кочка как кочка. Поехал дальше. Но, оказывается, это не кочка была, а голова Ваввка, который спал под снегом. Голова Ваввка немного расплющилась, и, когда он вернулся вслед за Пчикальэн в стойбище, все удивились: как это стал Ваввк на ворона походить? Ни одна девушка не захотела выходить замуж за ворона. А Пчикальэн привез шкуру пожирателя в юрту Куйкиняку и расстелил ее у ног красавицы Иннынвыт. Она улыбнулась и протянула ему руку.

Потом был большой праздник. Счастливо и дружно жили Иннынвыт и Пчикальэн. Когда они выходили из юрты, то смеялись и показывали на длинноголового ворона, который сидел на кусте и протяжно каркал. Это был Ваввк.

С о д е р ж а н и е

От редакции	5
-----------------------	---

I. ИТЕЛЬМЕНСКИЕ СКАЗКИ

Как Кутха ездил на горбушах	11
Кутха, Ияночх и злая К'ачам	14
Вор-медведь и Кутха	18
Сначала накорми	20

II. КОРЯКСКИЕ СКАЗКИ

Плохой сосед	25
Ваввк и Пчикальэн	29
Совсем соседи	32

III. ЧУКОТСКИЕ СКАЗКИ

Медведь и Ветер	37
Если взяться всем	40
Всемогущая Катгыргын	43
Кэле и мальчик	48
Сварливая жена	50

Георгий Германович Поротов. Сергей Георгиевич Киевлян.
Георгий Иванович Панкратов

АМТО, СЕВЕРНАЯ СКАЗКА!

Редактор О. Черепанов. Художественный редактор Н. Горбунов. Технический редактор
Н. Павлова. Корректоры Л. Кондратюк и В. Краснова

Сдано в набор 30/VIII-71 г. Подписано к печати 5/IX-72 г. Формат 70×90/16. Усл.
печ. л. 4,1. Уч.-изд. л. 2,35. Тираж 50 000 экз. Бумага тип. № 1. Цена 12 коп. Зак 2078.
Дальневосточное книжное издательство Комитета по печати при Совете Министров
РСФСР, Владивосток, ул. Ленинская, 43.

Полиграфический комбинат Приморского краевого управления по печати. Владивосток,
Океанский пр., 69.